

Фото Ольги Гришаевой

Андрей Гришаев

Пространство тишины

Известного художника спросили, что он думает об одной чужой картине. «Я не думаю, я волнуюсь». Примерно то же самое мог бы, наверное, сказать и я, — вспоминая своё первое впечатление от стихов Андрея Гришаева.

Передо мною открылось какое-то новое отношение к языку, к слову как таковому.

К проживанию общего времени и обретению себя в пространстве личной памяти.

Завораживало всё: беспощадная точность мысли, образный ряд, воздушная музыка, оптика взгляда, эмоция. И главное — способ мышления, сама организация лирического стихотворения, как творения.

Первая новомирская подборка Андрея состоялась десять лет тому назад, вслед его дебютной книге «Шмель», составленной старшим другом-наставником и собеседником — поэтом Леонидом Костюковым. К тому времени Гришаев уже печатался.

В июне этого года в «Новом мире» случилась его пятая публикация — «Цветы и другие растения». Когда шла вёрстка, я поначалу дал рабочее название этой подборке (обычно выбирается какой-то оборот или стихотворная строка) — «Корабль моего сна».

Андрей прислал дружелюбное, но твердое письмо. Не слишком ли это поэтично для названия? — писал он. — У автора такой подборки должно в каждой комнате стоять по зеркалу в полный рост, а у меня даже и одного нет... И предложил выбрать — из нескольких своих вариантов («разной степени чудовищности»), — которые привел списком. Я выбрал про цветы. Мне понравилось это его письмо.

Гришаев — один из самых значительных поэтов своего поколения. Помню, что, когда четыре года назад, по просьбе Юрия Кублановского, я готовил «литературное досье» на Андрея (он номинировался на премию «Парабола», которую вскоре и получил), — мне хотелось читать только его стихи.

Поэтическая книга Гришаева «Канонерский остров» (2014) — у меня на любимой полке.

От души советовал бы познакомиться с недавним (и единственным) интервью Андрея на портале «Литература». Есть там и важные для меня слова — о родственном волнении от позднего Заболоцкого. И как же свежо и отважно, как бережно он говорит о поэзии! **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунки Марии Заикиной

Пахарь вспахал землю, и уже урожай.
Хлеб в магазине, построена красная школа,
Масло сверкает с серебряного ножа,
Уходит болезнь от ласкового укола.

Какие размашистые, красочные мазки:
Природа берет своё, набирает скорость.
И вот мой ребенок сам надевает носки,
Покупает билет, садится в зелёный поезд.

А солнце печёт, так что блекнут огни и цвета.
Пахарь достаёт платок чёрно-белого цвета,
Утирает лоб. Струйка пота бежит со лба.
Щурится от невыносимого света.

Где-то есть комната, еле заметный дом,
Время в котором движется еле-еле.
Встанешь с кровати, чуть отворишь окно —
Пылинки в луче ожили, полетели.

Сверкали сны в бесплотном теле,
Горячий воздух говорил.
Он говорил, как в том апреле
Нас поднимали из могил,

К любимым снова возвращали,
К надёжной службе и друзьям,
И все посмертные печали
Научно удаляли нам.

Нам уделяли хлеб и воду,
И уважение и любовь,
Однако, не прошло и года,
У нас опять свернулась кровь.

Мы уходили понемногу,
И в прессе шум не поднялся.
Сказали разве: «Слава Богу,
Эксперимент не удался».

Принарядили, проводили
И распылили в пустоте,
Чтоб те, которые в могиле,
Могли сказать: «они — не те».

А мы — летели как летели.
И знали, что наступит час,
Когда без слов, на самом деле
Из пустоты поднимут нас.

Цветы подарил, а они уже некрасивы
Два дня тому, а они уже отвернулись
Прячут лица, только худые спины —
И те согнулись

Два дня прошло — вот и жена некрасива
И характер уже не вынь-да-положь, а кроткий
Причесала старательно подошедшего сына
Разговор обо всем короткий

Был бы длинный, была бы — жила беседа
Только дни прошли, а будущее — смерклось
Как грустны цветы, а разве цветы — не все мы
Все мы смертны

Выйду в поле, где белый гуляет ветер
А земля полна цветов, оттого бессмертна
По траве мой старинный друг идет, и красив и весел
В чистом поле света

Мои родители, родители меня
Земли и солнца щедрые дарители
Даватели конфеты и ремня
Съедатели друг дру... А мы молчим

Как цирковые вкопанные зрители
Где стол был с реквизитом — гроб стоит
Прозрачный и на железных тросиках
(А там в гробу отец живой лежит)

(А где же — и никто не знает — мать?)
Под купол тёмный медленно возносится
Под истерический разлад литавр
Цветенье цветиков и воспаренье гроба

Мы мысленно мычим что мы устал
Что мы любил что хочет мы уйти
Родители молчат и смотрят в оба
Летание отца и мамы дальний свет

Рёв львов невидимых их запах превосходный
Грядущее, грядущий твой скелет
Заполнил всё пространство тишины
Оркестр стих и дышится свободно

Уже не слова обретают
Утраченное значение,
А вовсе листва облетает
И тает в круженье.
Слетает неторопливо
И твердь обретаёт.
— А ты уж забыл, как красиво
Бывает.

Дом потерянный и чёрный,
Обреченный жить на слом,
Одинокый, беспризорный
Пробавляется числом.

Тёмные хранит секунды,
Держит синий свет в горсти,
Дышит медленно и трудно,
Слышно: «Господи, прости.
Царствие твоё безмерно.
Я ж подсчитывал, копил...
Так прими же милосердно
Этот пепел, эту пыль...»

Отвечает ясный голос:
«Успокойся, Бог с тобой.
Каждый вздох твой, каждый волос,
Каждый миг угасший твой».

